

Е. И. Ляпушкина

**«...О ТОМ СЛЕДУЕТ МОЛЧАТЬ»
(«ULTIMA THULE» НАБОКОВА И ФИЛОСОФИЯ МОЛЧАНИЯ)¹**

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье рассматривается вопрос о возможности прочтения рассказа Набокова «Ultima Thule» в свете концепций молчания Хайдеггера и раннего Витгенштейна. Рассказ, затрагивающий всевозможные герменевтические темы, оказывается созвучен и хайдеггеровскому пониманию молчания как важнейшего онтологического опыта, и основной идее «Логико-философского трактата», выраженной в его конечном афоризме: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». При этом, поскольку названные авторы подходили к проблеме слова и молчания с разных позиций, не учитывая опыта друг друга, выявляемые в ходе анализа смыслы рассматриваются как находящиеся в отношениях культурной со-бытийности друг с другом, перекликающиеся, но не заимствующие друг у друга аргументацию и не цитирующие друг друга. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: герменевтика, структура языка, слово, молчание, онтологический опыт, истина.

«...THEREOF ONE MUST BE SILENT» (NABOKOV'S «ULTIMA THULE» AND THE PHILOSOPHY OF SILENCE)

E. I. Lyapushkina

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article discusses the possibility to read Nabokov's story "Ultima Thule" in the light of Heidegger and early Wittgenstein's concepts of silence. The story touched different kinds of hermeneutical topics and it is in accordance with both Heidegger's understanding of silence as the most important ontological experience and the basic idea of the "Tractatus Logico-Philosophicus" expressed in its final aphorism: "Whereof one cannot speak, thereof one must be silent". Since these authors approached the problem of word and silence with a completely different positions and did not take into account each other's experiences, meanings, which are revealed during the analysis, are considered as being in relation of cultural co-beingness with each other, overlapping, but not borrowing each other's arguments and not quoting each other. Refs 10.

Keywords: hermeneutics, language structure, word, silence, ontological experience, true.

Проблема, которая рассматривается в настоящей работе, была сформулирована в качестве вопроса студентами филологического факультета Петербургского университета во время лекции по курсу «Герменевтика». Речь шла о философско-герменевтическом построении Мартина Хайдеггера, в частности о его категории молчания. Суть вопроса, с которым обратились студенты, заключалась в следующем: возможно ли, с моей точки зрения, прочитать рассказ Набокова «Ultima Thule» в свете концепций Хайдеггера, а также (и, может быть, в еще большей степени) раннего Витгенштейна? Ведь совершенно очевидно, что герои Набокова — Синевусов и Фальтер — в своем диалоге по поводу открывшейся последнему Истины постоянно затрагивают всевозможные герменевтические темы, их разговор

¹ Доклад на данную тему был прочитан мною в 2015 г. на XLIV Международной филологической конференции в СПбГУ. Тезисы доклада опубликованы в сб.: XLIV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 года: тезисы докладов. СПб., 2015. С. 654–655.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

буквально пронизан мотивами, близкими и Хайдеггеру, и Витгенштейну. И в конце концов, разве главный итог этого разговора (Фальтер, категорически отказывая Синеусову в проречении Истины, оставляет ее в области сокрытого, потаенного) не оказывается созвучен, с одной стороны, хайдеггеровскому пониманию молчания как важнейшего онтологического опыта, а с другой стороны, основной идее «Логико-философского трактата», — идее, к которой, собственно, и стягивается, по признанию Витгенштейна, смысл всей книги [Витгенштейн, с. 3] и которая нашла свое выражение в знаменитом финальном афоризме «Трактата»: «*О чем невозможно говорить, о том следует молчать*» [Там же, с. 73]? Предлагаемая работа — это, по сути дела, ответ на заданные вопросы.

Первое, на что необходимо обратить внимание, — это вопрос о правомерности соотнесения набоковского рассказа с философской системой Хайдеггера или Витгенштейна. Существуют ли действительные основания, дающие возможность такого рода соотнесения, и если существуют, то какова природа этих оснований? Очевидно, что невозможно в данном случае свести дело к вопросу о прямом влиянии или цитации. Невозможно в силу по крайней мере двух обстоятельств. Во-первых, есть свидетельство Набокова о том, что он не был знаком с философией Витгенштейна (в интервью Альфреду Appelю, состоявшемся в сентябре 1966 г., Набоков говорит: «*О трудах Витгенштейна мне ровным счетом ничего не известно, да и само имя его я услышал в пятидесятые, должно быть, годы*» [Набоков, 1997а, с. 597]). Во-вторых, не существует свидетельства того, что Набоков был знаком с философией Хайдеггера. Понятно, что в таком случае подход к философствованию набоковских героев в аспекте генезиса исключается: позиции Синеусова и Фальтера не могут быть «приведены» к построениям названных авторов. Это, однако, не отменяет наличия тех тематических переключек и с Хайдеггером, и с Витгенштейном, которые действительно просматриваются в рассказе «Ultima Thule». Эти-то переключки и могут стать, как представляется, основанием для постановки вопроса. Но при этом необходимо учитывать, что соотнесение философских и художественных смыслов не должно осуществляться в данном случае ни с точки зрения хронологической последовательности их порождения, ни с точки зрения их непосредственного влияния друг на друга, ни с точки зрения выстраивания генетического ряда — одним словом, ни с какой точки зрения, предполагающей необратимое векторное движение от одного феномена к другому. Такое соотнесение может быть предпринято только исходя из сформулированного М. М. Бахтиным принципа: в культуре «нет ни первого, ни последнего слова» [Бахтин, с. 373]. Это значит, что выявляемые смыслы принимаются нами как находящиеся в отношениях культурной со-бытийности друг с другом, перекликающиеся, но не заимствующие друг у друга аргументацию и не цитирующие друг друга.

* * *

Итак, общей темой для трех названных персонажей настоящей работы стала тема молчания. Прежде чем ответить на вопрос о возможности или невозможности усмотреть какие-либо смысловые диалогические связи между тремя позициями, обозначим основные черты каждой из них.

Анализ логической структуры языка, предпринятый Витгенштейном в «Логико-философском трактате», имеет своей целью обозначение границы возмож-

ностей языка — границы, по достижении которой человеку предписывается долг молчания. Научное познание видится Витгенштейну конечным: оно определено и ограничено действием принципа тождественности логической структуры языка и логической структуры мира. Мир, состоящий из случайных фактов, не имеющих аксиологического измерения, не выстроенных ни в какие иерархические и каузальные ряды, и в этом смысле множественный мир, отображается в языке — структуре, изоморфной действительности. В языке образом реального факта является предложение. Мир, представляющий собой множество фактов, может и должен выговаривать себя в языке: такая возможность обеспечена общим основанием мира и языка — априорной логикой. Отметим также, что это безличный мир и в нем нет места субъективности. Но применительно к такому миру невозможно поставить никакие этические вопросы — о смысле жизни, о том, что человек должен делать, как он должен поступать, что такое ценность, счастье и т. п., потому что ответам на эти вопросы не могут соответствовать никакие факты действительности и, следовательно, эти ответы дать невозможно: они не являются изоморфными действительности языковыми образами («6.5. Для ответа, который невозможно высказать, нельзя также высказать и вопрос» [Витгенштейн, с. 72]). Всякое говорение на подобные темы оборачивается, по мысли Витгенштейна, бессмысленной болтовней. Однако задача Витгенштейна не сводится к тому, чтобы обосновать идею тождества языка структуре мира, в которую встроена только логическая необходимость. Его цель, сформулированная им в предисловии к «Трактату», заключается в том, чтобы «*провести границу мышления, или, скорее, выражения мысли*» [Витгенштейн, с. 3]. Но зачем нужно выявление этой границы? Оно необходимо, говорит Витгенштейн, для того чтобы «*правильно увидеть мир*» [с. 73] — не сказать о мире, но увидеть его как «*ограниченное целое*» [с. 72]. Предел языка кладет предел познанию и одновременно открывает территорию этики, или, что для Витгенштейна то же самое, территорию молчания. «*Этика, — говорит Витгенштейн, — не поддается высказыванию*» [с. 70]. То есть для философа этика и молчание — понятия тождественные. Таким образом, у Витгенштейна анализ структуры языка, обозначение границы его возможностей, и тем самым невозможности, становится необходимым этапом для достижения такого взгляда на мир, который открывал бы его смысл, или, по слову Витгенштейна, его мистическое — то, что вне языка, но что может быть достигнуто только через выявление границы языка. Не случайно к своим собственным афоризмам, составившим текст «Трактата», Витгенштейн относился как к ступеням лестницы, которую, поднявшись по ней, читатель должен отбросить, чтобы вступить в зону молчания. Преодоление говорения становится итогом познания и началом иного, мистического опыта. Но для того, чтобы это начало состоялось, необходимо пройти через подытоживание предыдущего опыта — опыта говорения. Или, используя метафору самого Витгенштейна, сформулируем это так: для того чтобы отбросить лестницу, необходимо, чтобы сначала она привела туда, откуда ее можно отбросить. Поэтому важнейшим для философа становится не противопоставление языка и молчания — они имеют общую границу, язык мыслится как условие молчания, и уже поэтому они не составляют оппозицию. Важнейшим в «Трактате» становится противопоставление слова и молчания — вместе — пустой бессмысленной болтовней. Комментируя «Трактат» Витгенштейна, В. В. Бибахин пишет: «Но молчание не сохранить, если оно останется бессловесным. Противо-

положны не молчание и слово, а их союз, с одной стороны, и, с другой — пустые толки, перемежающиеся немотой» [Бибихин, с. 324].

* * *

Подход к проблеме молчания у Хайдеггера, казалось бы, противоположен подходу Витгенштейна. Рассматривая язык не на путях логического анализа, а герменевтически (т. е., следовательно для Хайдеггера, онтологически) немецкий философ относится к молчанию как к иной форме — наряду с речью — бытия языка. Соотношение молчания и языка для Хайдеггера аналогично центральному для его герменевтического построения в целом соотношению бытия и сущего. С одной стороны, это, конечно, оппозиция (когда, например, речь идет о сущем как предмете научного познания — в этом случае «бытие» как бы искусственно отсекается и такое отношение к сущему, вне его связи с бытием, становится результатом конвенции). Но с другой стороны, когда речь идет не о научной, а об онтологической истине, бытие и сущее предстают в нерасторжимом единстве: условием явления сущего становится открытость, которая, по Хайдеггеру, и есть бытие и которая, в свою очередь, может заявить о себе лишь через явление сущего. Бытие коренится в языке; язык, по слову Хайдеггера, «*есть дом бытия*» [Хайдеггер, 1993а, с. 192] и в этом своем качестве выполняет по отношению к бытию двойную работу: он открывает и сокращает бытие одновременно. Диалектике открывания и сокращения и подчиняется в своей деятельности язык: прорекая, он одновременно умалчивает, причем предмет речи и молчания один — говоря, язык тем самым молчит о том же самом, о чем он говорит. Таким образом, язык говорит и молчит одновременно. Это свойство языка побуждает Хайдеггера рассуждать не просто о слове, но о «*таинстве слова*» [Хайдеггер, 1993b, с. 312]. По мысли Хайдеггера, молчание предшествует речи, вызывает ее и ее же завершает — в акте вслушивания в речь. В этом смысле чрезвычайно показательной оказывается, например, заключительная часть доклада Хайдеггера, прочитанного в 1957 г. в Венском Бургтеатре и посвященного интерпретации стихотворения Штефана Георге «Слово». Хайдеггер дает глубокий и очень изысканный анализ стихотворения Георге, показывая, что речь в нем идет о существе слова — существе, для обозначения, проречения которого в языке нет слова, и в итоге этого блестящего интеллектуально насыщенного выступления говорит: «*Чтобы соразмерным образом вдуматься в это достойное мысли, как оно говорит поэзии, и додумать его, предадим все сейчас сказанное забвению. Мы слышим стихотворение. Мы станем теперь еще вдумчивее ввиду той возможности, что, слушая, мы тем легче все прослушаем, чем проще это стихотворение поет в своем песенном ладе*» [1993b, с. 312]. В этом призыве к уходу в молчание как наиболее продуктивному для осуществления собственного бытия состоянию и сказывается философская позиция Хайдеггера. Молчание постоянно сопровождает речь, и опыт молчания обладает не меньшим онтологическим смыслом для Хайдеггера, чем опыт говорения, поскольку и то и другое суть языковой опыт, обуславливающий понимание как способ бытия человека в мире. Обращает на себя внимание то, что в приведенном фрагменте речи о стихотворении Георге хайдеггеровское «*предадим забвению все сейчас сказанное*» отчетливо вторит финалу «*Логико-философского трактата*», в котором Витгенштейн призывает читателя отбросить лестницу всего предшествующего текста, для того чтобы «*правильно увидеть мир*». Молчание

Хайдеггера здесь явно рифмуется с молчанием Витгенштейна, притом что путь к молчанию и мотивация отказа от говорения глубоко различны.

* * *

В рассказе Набокова «Ultima Thule» герои — Синеусов и Фальтер — ведут разговор об открывшейся последнему Истине. Цель Синеусова — выведать содержание этой истины, задача Фальтера — утаить его. Обратим внимание на то, что после (или в результате) приобщения Фальтера к тайне мироздания облик его существенно изменился по сравнению с тем, каким он предстает в начале рассказа. Причем герой не просто потерял собственные прежние черты, он утратил родовые человеческие признаки. Зять Фальтера говорит о нем, что из него «словно извлекли скелет» [Набоков, 2000, с. 126]², Синеусов поправляет: «мне же показалось иначе, что вынули душу. <...> *Одного взгляда на Фальтера было довольно, чтобы понять, что никаких человеческих чувств, практикуемых в земном быту, от него не дождеешься, что любить кого-нибудь, жалеть, даже только самого себя, благоволить к чужой душе и ей сострадать при случае, посильно и привычно служить добру, <...> — всему этому Фальтер совершенно разучился*» (127). При этом он «не производил впечатления умалишенного — о нет, совсем напротив», в нем «чуялась какая-то сосредоточенная сила», и этой силе «не было никакого дела до дряблости и явной тленности тела, которым она брезгливо руководила» (127). Одним из признаков «безличности» Фальтера становится потеря им чувства времени, «без которого, — говорит Синеусов, — душа не может жить» (127). «Его вневременный образ, — замечает он далее, объясняя невозможность называть теперь Фальтера по имени-отчеству, — не терпит прикрепления человека к определенной стране и кровному прошлому» (128). И наконец, сам Фальтер формулирует суть произошедшей с ним перемены: «...то главное во мне, что соответствует главному в мире, не подлежит телесному трепету, который так меня разбил» (132). По сути дела, перед героем и читателем предстает не человек в его физической, психологической, эмоциональной явленности, не личность, не индивидуальность, а что-то вроде метафизического субъекта, который по определению безличен. Показательно, как фальтеровский образ перекликается с характеристикой метафизического субъекта у Витгенштейна. Комментируя «Логико-философский трактат», З. А. Сокулер пишет: «в универсуме "Трактата" безличным становится не только язык, но и метафизический субъект. Субъект, слившийся с миром (ср.: «...то главное во мне, что соответствует главному в мире...». — Е. Л.), потерял свое имя, свои нравы и капризы» [Сокулер, с. 61]. Заметим, что Синеусову мешает не то что постичь, но даже просто приблизиться к знанию Фальтера именно его человечность. На каждом этапе их разговора Фальтер уличает Синеусова в своего рода солипсизме, демонстрируя собеседнику невозможность для него освободиться от собственного сознания, о границу которого он постоянно и спотыкается. Синеусов вновь и вновь попадает в эту ловушку своей человечности, в то время как сама природа Истины, которой владеет Фальтер, исключает человек — она безлична. В самом начале беседы, в ответ на слова Синеусова «Итак, вам открылась сущность вещей <...> я делаю два важных вывода: у вещей есть сущность, и эта сущность может открыться уму» (128), Фаль-

² Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы в круглых скобках.

тер с улыбкой замечает: при таком способе мыслить *«вы вернетесь к отправной точке... с сознанием гениальной простоты, с приятнейшим чувством, что обняли истину, между тем как обняли лишь самого себя. <...> развитие роковым образом становится свитком»* (128–129). Дело в том, что уже в самих формулировках *«вам открылась суть»*, *«я делаю выводы»* и т. п., к которым так охотно прибегает Синеусов, обнажает субъективистский принцип рассмотрения бытия: речь все время неминуемо уходит от вопроса о сущности бытия к вопросу о человеческом способе видеть бытие. Таким образом, любое паломничество на территорию фальтеровского знания остается для Синеусова безрезультатным, потому что он каждый раз возвращается к себе, или, по слову Фальтера, *«попадает в излюбленный человеческой мыслью круг»* (133). Синеусов оказывается обречен на самого себя, и поскольку, как говорит его оппонент, *«ваш рассудок не может не сомневаться»* (136), то и определенный ответ на каждый из двух главных заданных Фальтеру вопросов (о существовании Бога и о возможности загробной жизни) получен быть не может — ведь никакой определенный ответ не удовлетворит сомневающийся рассудок.

Перед расставанием с Синеусовым Фальтер признается: *«...среди всякого вранья я нечаянно проговорился, — всего два-три слова, но в них промелькнул краешек истины, — да вы по счастью не обратили внимания»* (138). Понятно, что для читателя такое признание становится сильнейшей провокацией — немедленно возникает искушение скрупулезно перечитать текст, найти обещанные заветные два-три слова и как-то зацепиться за фальтерову истину. В литературе, посвященной творчеству Набокова, попытки такого рода предпринимались [Арьев]. Однако думается, что, при всей соблазнительности задачи, это все-таки принципиально неверный подход к рассказу Набокова. Нельзя забывать, что разговор был записан Синеусовым *post factum* *«по памяти, но кажется верно»* (127). Значит, начиная его записывать, Синеусов уже знал его финал, знал, что *«краешек истины промелькнул»*, и, следовательно, имел возможность исправить допущенную оплошность, обратить внимание на фальтеровский намек и ухватить вожаделенную истину. Тем не менее этого не происходит, и такое решение представляется принципиальным. Не случайно сам герой расценивает последний жест Фальтера совершенно однозначно: *«Фальтер не только ничего мне не сказал, но даже не дал мне подступиться, и, вероятно, его последнее слово было такой же издевкой, как и все предыдущие»* (138). Истина Фальтера не может открыться герою, в поединке с Фальтером он должен остаться ни с чем. Более того, фальтеровское знание и не могло бы стать для него спасительным.

Напомним, что Синеусов решил обратиться к Фальтеру вскоре после смерти горячо любимой жены, в надежде на помощь (*«это была ... помощь, которую я придумал себе»* — 126): он рассчитывал найти утешение в полученном знании и таким образом совладать с тем *«морем тоски»* (126) по жене, которым и стала теперь его жизнь. В итоге же разговора с Фальтером становится очевидно, что это знание не могло бы стать утешением: фальтеровский опыт не откликается на *«практикуемые в земном быту»* (126) тоску, утешение, симпатию, тепло и т. п. Синеусов надеется на подтверждение существования загробной жизни, потому что, как он сам признается Фальтеру, *«в минуты счастья, восхищения, обнажения души я вдруг чувствую, что небытия за гробом нет; что рядом в запертой комнате, из-под двери которой дует стужей, готовится, как в детстве, многоочитое сияние, пирамида утех; что*

жизнь, родина, весна, звук ключевой воды или милого голоса, — все только путаное предисловие, а главное впереди; выходит, что если я так чувствую, Фальтер, можно жить, можно жить, — скажите мне, что можно, и я больше у вас ничего не спрошу» (137). Но очевидно, что знание Фальтера «не про это». В пространстве этого знания нет места этическим ценностям, о которых говорит Синеусов. Фальтер и сам признается в том, что он со своей тайной находится в ином измерении. Описывая «симптомы подлунной болезни» людей, т. е. ужаса, который они испытывают при мысли о предстоящей смерти, Фальтер заключает: *«Да, да, я вполне себе представляю болезнь, которой вы все страдаете в той или другой мере, и одно могу сказать: не понимаю, как люди могут жить при таких условиях»* (137), т. е. сам Фальтер, так сказать, просвещенный Фальтер, теперь уже не причастен к этим страданиям (ср. чуть раньше его замечание: *«мы с вами все-таки смертны, но я смертен иначе, чем вы»* — 135).

На протяжении всего разговора с Синеусовым Фальтер демонстрирует блестящее умение вести диалог, он виртуозно обнажает невозможность окончательной верификации силлогизма (отметим, что он обращается к тому же примеру, что и Витгенштейн в «Трактате» (6.1232) — о смертности всякого человека); он ведет себя как интеллектуальный жонглер, легко управляющийся с логическими парадоксами из разряда упомянутого Синеусовым *«гетерологично ли самое слово "гетерологично"»*. Но в конце концов Синеусов называет безупречную логику Фальтера *«изошренным зубоскальством»*, а самый стиль его — *«ловкостью площадного софиста»* (138). Фальтер, проявляющий *«нечеловеческую беспечность»* (127) ко всему, что мучительно дорого Синеусову и что Синеусов надеялся спасти, прибегнув к помощи Фальтера, оказывается ему — Синеусову — не нужен. Пройдя через искушение фальтеровой тайной, поняв, что, какой бы силой она ни обладала (а мощь ее несомненна, коль скоро она оказывается убийственной для людей), надеяться на нее бессмысленно: она не имеет никакого отношения к человеческому миру, герой отказывается от нее. В известном смысле можно сказать, что Фальтер оказался для Синеусова той лестницей, которую в конце концов герой должен был отбросить, чтобы остаться наедине со своим человеческим скорбным опытом. Отныне, кроме самого себя, у него нет никакой опоры: *«Страшнее всего мысль, — обращается он в финале рассказа к своей умершей жене, — что поскольку ты отныне сияешь во мне, я должен беречь свою жизнь. Мой бранный состав единственный, быть может, залог твоего идеального бытия: когда я скончаюсь, оно окончится тоже. Увы, я обречен с нищей страстью пользоваться земной природой, чтоб себе самому договорить тебя и затем положить на свое же многопочие...»* (139). В этом последнем прореченном решении героя проявлена, как представляется, та потребность и необходимость завершить свои отношения со словом и отдаться молчанию, о которой, собственно, и говорили и Витгенштейн, и Хайдеггер. За последним словом героя следует знак, этим последним словом поименованный (в качестве иронического кивка Фальтеру отметим — автологичный жест Синеусова), и этим знаком читатель удерживается в поле героя — на границе его последнего слова и далее его же молчания. Отметим в связи с этим, что в рассказе «Ultima Thule» тема молчания связана с обоими героями, потому что оба героя обрекают себя на молчание. Но подобно тому, как они по-разному смертны (135), они, так сказать, и по-разному молчаливы. Показательно, что в самом начале их разговора, когда Синеусов, пыта-

ясь сделать только первый шаг навстречу заветному фальтерову знанию, произносит: «Итак, Фальтер, вам открылась сущность вещей», Фальтер тут же обрывает его: «После чего точка» (128), — пресекая всякие притязания собеседника на продолжение разговора. В этой «точке» — обрыв, невозможность разделить молчание, потому что она категорически закрывает доступ к предмету молчания. Очевидно, что фальтеровской точке в рассказе противоположно многоточие Синеусова — как оборванный разговор противоположен вступлению (совместному — героя и читателя) в зону молчания.

Размышляя о двух самых влиятельных концепциях молчания в философии XX в. — Хайдеггера и Витгенштейна, — В. В. Биbihин пишет: «Молчание может быть сохранено только словом, расширенным до поэзии» [Биbihин, с. 323]. Художественное слово Набокова в «Ultima Thule» сохраняет молчание и тем самым — поэтически — отвечает (т. е. соответствует) философским темам Хайдеггера и Витгенштейна. Это то высокое слово, которому герои другого набоковского произведения не раз воздадут славу, произнеся «Слава Логу»³ — формула, которая в силу очевидной рифмы отсылает читателя к евангельскому тексту («В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог») и тем самым утверждает не просто божественную природу слова, но и его, слова, собственные особые права и возможности — в том числе возможность хранить молчание. Сам Набоков сформулировал свое отношение к союзу молчания и слова, отвечая на вопрос журнала «Playboy» в ходе интервью, состоявшегося в 1964 г.: «Я знаю больше, чем могу выразить словами, и то немногое, что я могу выразить, не было бы выражено, не знай я большего» [Набоков, 1997b, с. 588].

Литература

- Арьев А. Ю. Отражение в аспидной доске: о рассказах Solus rex и Ultima Thule Вл. Набокова // *Revue des études slaves*. 2000. Т. 72. Вып. 3–4. С. 353–370.
- Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1979. С. 361–373.
- Биbihин В. В. Витгенштейн и Хайдеггер. Один эпизод // *Историко-философский ежегодник 2003* / под ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Наука, 2004. С. 315–332.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // *Философские работы*. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 1–73.
- Набоков В. В. Интервью Альфреду Аппелю, сентябрь 1966 г. // *Собрание сочинений американского периода: в 5 т.* / пер. С. Ильин. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 1997а. С. 589–621.
- Набоков В. В. Интервью в журнале «Playboy», 1964 г. // *Собрание сочинений американского периода: в 5 т.* / под ред. С. Ильина; пер. М. Маликова. Т. 3. СПб.: Симпозиум, 1997б. С. 562–588.
- Набоков В. В. *Ultima Thule* // *Собрание сочинений русского периода: в 5 т.* Т. 5. СПб.: Симпозиум, 2000. С. 113–139.
- Сокулер З. А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. 169 с.
- Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993а. С. 192–220.
- Хайдеггер М. Слово // *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика, 1993б. С. 302–311.

Для цитирования: Ляпушкина Е. И. «...о том следует молчать» («UltimaThule» Набокова и философия молчания) // *Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2016. Вып. 3. С. 83–91. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.310.

³ Эта формула неоднократно появляется в романе «Ада».

References

- Ariev A. I. Otrazhenie v aspidnoi doske: o rasskazakh Solus rex i Ultima Thule VI. Nabokova [Reflection in Slate: On *Solus rex* and *Ultima Thule* by V. Nabokov]. *Revue des études slaves*, 2000, vol. 72, no. 3–4, pp. 353–370. (In Russian)
- Bakhtin M. M. K metodologii gumanitarnykh nauk [Towards Methodology of the Humanities]. Bakhtin M. M. *Eстетика словесного творчества [Aesthetics of the Literary Craft]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 361–373. (In Russian)
- Bibikhin V. V. Wittgenstein i Heidegger. Odin epizod [Wittgenstein and Heidegger. An Episode]. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 2003 [Historical and Philosophical Annual 2003]*. Ed. by N. V. Motroshilova. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 315–332. (In Russian)
- Heidegger M. Letter on Humanism. Heidegger M. *Being and Time: stat'i i vystupleniia [Papers and Reports]*. Moscow, Respublika Publ., 1993a, pp. 192–220. (In Russian)
- Heidegger M. The Word. Heidegger M. *Being and Time: stat'i i vystupleniia [Papers and Reports]*. Moscow, Respublika Publ., 1993b, pp. 302–311. (In Russian)
- Nabokov V. V. Interview with Alfred Appel, Jr., September 1966. Nabokov V. V. *Sobranie sochinenii amerikanskogo perioda: v 5 t. [Collected Works of the American Period: In 5 vols]*. Vol. 3. St. Petersburg, Simpozium Publ., 1997a, pp. 589–621. (In Russian)
- Nabokov V. V. Playboy Interview, 1964. Nabokov V. V. *Sobranie sochinenii amerikanskogo perioda: v 5 t. [Collected Works of the American Period: In 5 vols]*. Vol. 3. St. Petersburg, Simpozium Publ., 1997b, pp. 562–588. (In Russian)
- Nabokov V. V. Ultima Thule Nabokov V. V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda: v 5 t. [Collected Works of the Russian Period: In 5 vols]*. Vol. 5. St. Petersburg, Simpozium Publ., 2000, pp. 113–139. (In Russian)
- Sokuler Z. A. *Ludwig Wittgenstein i ego mesto v filosofii XX veka [Ludwig Wittgenstein and his Place in Philosophy of XX Century]*. Dolgoprudnyi, Allegro-Press Publ., 1994. 169 p. (In Russian)
- Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty [Philosophical Works]*. Part 1. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 1–73. (In Russian)

For citation: Liapushkina E. I. «...thereof one must be silent» (Nabokov's «Ultima Thule» and the Philosophy of Silence). *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 3, pp. 83–91. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.310.

Статья поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.
Статья рекомендована в печать 28 марта 2016 г.

Контактная информация:

Ляпушкина Екатерина Ильинична — кандидат филологических наук, доцент;
e.lyapushkina@spbu.ru
Liapushkina Ekaterina I. — PhD, Associate Professor; e.lyapushkina@spbu.ru